

РЕЦЕНЗИИ

РЕЗЕНЗИЯ

**на книгу Клода Кастлера «Александр Воронский
1884—1943. Большевик, одержимый литературой».
(Университет Стендаля, Гренобль: Эллюг, 2000. — 184 с.)**

После 1917 г. возрождению интереса к русской культуре и литературе на Западе способствовали эмигранты «первой волны». В первую очередь это относится к Франции, где существовала самая многочисленная колония русских эмигрантов первой волны. В. Познер, М. Слоним, Г. Струве, Г. Адамович, П. Ковалевский и многие другие были первыми, кто открывал французскому читателю новую русскую литературу. Осознавая себя единственными хранителями истинной русской культуры, они стремились изменить существовавшие представления о России как об «империи фасадов» (А. де Кюстин). Просветительская деятельность русской эмиграции сыграла значительную роль в деле культурной интеграции России в Европу. Вместе с тем следует отметить, что первые книги о современной русской литературе, написанные эмигрантами и вышедшие в Англии (Д. Святополк-Мирский. *A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1925*. 1926) и Франции (М. Слоним. *Portrets des écrivains soviétiques*. 1933), носили информативный характер и содержали большое количество фактических ошибок, перешедших затем в более поздние исследования западных русистов. Русские эмигранты первой волны заложили традицию абсолютизации политического критерия оценки художественных произведений (например, Г.П. Струве и М.Л. Слоним, стоявшие у истоков американской русистики). Эта традиция продолжалась в книгах эмигрантов второй волны, например, в известной, ставшей в буквальном смысле настольной энциклопедии под редакцией В. Терраса (*Handbook of Russian Literature*. 1985).

Однако именно первое поколение западных славистов в 1960-е гг. начинает работу по «воскрешению» забытых имен, по созданию параллельной истории русской литературы, где фигурирует не только М. Горький, но К. Вагинов, и Л. Добычин, и Б. Пильняк, и забытые фигуры Серебряного века. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. на Западе была написана параллельная история русской литературы, культуры и русской философии.

Прямая зависимость литературного процесса 1920—1930-х гг. от политических реалий очевидна. Однако пафос литературной жизни тех лет состоял не столько в противостоянии формирующемуся тоталитарному стилю, сколько в поисках новых художественных стратегий и нового языка. В произведениях многих забытых сегодня писателей главным было признание свободы личности, воплощенное в признании свободы художника, и гуманизм, который заключался в признании абсолютной ценности человека и создании новых отношений между людьми.

Первыми среди писателей, пытавшихся говорить о гуманизме как об основном свойстве русской литературы, были прозаики «Перевала», созданного при непосредственном участии А. Воронского.

А. Воронский и Содружество «Перевал» долгое время, до конца 1980-х гг., воспринимались эмигрантами первых трех волн и возникшей в конце 1950-х годов западной русистикой как организационное и эстетическое сопротивление догме социалистического реализма и превращению литературы в часть партийно-государственного механизма (Н. Ermolaev. *Soviet Literary Theories, 1917—1934. The Genesis of socialist realism.* — Berkeley, 1963; Maguire R. *Red Virgin Soil. Soviet Literature in 20's.* — Princeton, 1968).

Историко-литературные и эстетические взгляды А. Воронского впервые были охарактеризованы Габриэлой Порембиной (Porębina G. Aleksander Woronski: *Poglady estetyczne i krytycznoliterackie (1921—1928).* — Wroclaw, 1964).

В конце прошлого века появились собственно историко-литературные работы (Frederick S. Choate. *Aleksandr Konstantinovich Voronski's Literary Criticism.* — Stanford, 1987; Vaagan R. *Iskusstvo videt' prekrasnoe: The literary aesthetics of Aleksandr Voronskij, 1921—1928.* — Oslo: Univ. of Oslo, 1998). В этом ряду стоит и книга Клода Каствлера, профессора университета Стендаля в Гренобле, члена французской компартии до 1968 г., вышедшего из нее в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию — Claude Kastler. *Alexandre Voronski 1884—1943. Un bolchevik fou de littérature.* — Universite Stendhal Grenoble: ELLUG, 2000. — 184 p. («Александр Воронский 1884—1943. Большевик, одержимый литературой»). Книге, написанной около 30 лет назад как докторская диссертация, присущи отдельные черты популярных во Франции романизированных биографий Андре Моруа и «Русских биографий» Анри Труайя, способствовавших, несмотря на достаточно вольную интерпретацию исторических фактов, преодолению галлоцентризма и известной самодостаточности французской культуры в XX в.

И в книге К. Каствлера повествование преобладает над анализом, но в этом цель автора — показать французскому читателю личность А. Воронского на фоне исторических событий, этапы его политической (прежде всего) и творческой биографии. Не случайно каждая глава книги носит соответствующее название: «Откуда во мне эта буйность?», «Большевик. Профессиональный революционер», «Редактор и критик. Победы и поражения», «Отставка. Писатель». Книга состоит из четырех глав, эпилога, приложений (Культурные ориентиры эпохи; Ориентиры политической истории 1984—1943), примечаний, указателя имен и библиографии.

В книге К. Каствлера впервые подробно рассказано о детских и юношеских годах Воронского, предпринята довольно успешная попытка определить психологические мотивы его поступков и найти в подростковом бунтарстве бурсака (известного русскому читателю еще по книге Н.Г. Помяловского) истоки его революционной идеологии. Повествование об этом периоде жизни основано на книге А. Воронского «Бурса» (1933), широкому французскому читателю неизвестной.

В описании интеллектуального становления А. Воронского сказывается политическая ориентация К. Каствлера: говоря о круге чтения юного А. Воронского, исследователь называет приключенческую литературу «обязательным моментом формирования личности». Далее в книге следует своеобразный, вполне в духе народников, составлявших сельские библиотеки во второй половине XIX в., вывод: стихи Некрасова напрочь вытеснили Майн Рида и Фенимора Купера и привили интерес к настоящему серьезному чтению. По мнению автора, именно из чтения «серьезных» книг Н. Чернышевского, Н. Помяловского, Н. Добролюбова, Ф. Решетникова и др. происходят неперенные эпитеты «здоровая» и «революционная», которыми Воронский сопровождал понятие «романтика».

Политические пристрастия профессора К. Каствлера проявляются и в оценке оппозиционных взглядов Воронского: одна из подглавок названа «Воронский — антисталинист? Да, но троцкист ли он?». Заметим, что долгое время исследователи творчества А. Воронского (Г. Порембина и даже Г.А. Белая) стремились отделить имя А. Воронского от имени Л. Троцкого (слишком уж одиозной была эта фигура в сознании многих поколений). Это была и реакция на безапелляционность партийных критиков, и недостаточная осведомленность (архивы были закрыты). Первым не только принадлежность, но и активное участие Воронского в троцкистской оппозиции доказал Фредерик С. Чоут (Frederick S. Choate), издавший в 1998 г. книгу избранных статей Воронского (Art as Cognition of Life. Selected Writings. 1911—1936. Aleksandr Konstantinovich Voronsky). Достаточно подробно о троцкизме Воронского теперь пишет и Е.А. Динерштейн (А.К. Воронский. В поисках живой воды, 2001).

Профессор Каствлер создает вполне объективный для первой половины 1960-х гг. образ А. Воронского как одного из создателей независимой интеллектуальной традиции на «территории марксизма». (Этой же точки зрения придерживаются в своих книгах Г. Белая и Е. Динерштейн). Акцент вполне справедливо делается на литературной деятельности А. Воронского, которая, тем не менее, никогда не была для него напрямую связана с политической борьбой.

По книге К. Каствлера французский читатель может составить довольно полное впечатление о литературной и политической жизни России 1900-х — конца 1930-х гг. Не случайно эта книга К. Каствлера о А. Воронском включена в список обязательных для французских студентов, изучающих русский язык и русскую культуру.

К сожалению, книга не свободна от весьма существенных недостатков и ошибок, непростительных для слависта. Эти ошибки автор не устранил и не исправил и в позднейшей публикации.

Это неточности перевода (названия всех российских средних учебных заведений начала XX в. переведены как «лицей» без уточнения профиля; название журнала «Красная новь» переведено буквально как «красные земли»; перевод названия «Перевал» как «Transition» не совсем точен: это слово не означает «перевал в горах»). Известно, что для перевальцев название их Содружества имело более глубокий смысл, объединяя прямое и переносное значение; книги Е.Ф. Никитиной по истории русской литературы фигурируют под общим названием «Nikitina».

Это фактические неточности: Горки названы «домом отдыха», «Кузница» — руководителем ВАПП; «Перевал» создан не в 1923, а в 1924 г.; И. Евдокимов был писателем, а не критиком, как утверждает автор; Воронский был сослан в Липецк, а не в Елец; семья Воронских жила в Москве не у «Каменного моста», а у Б. Каменного моста; Н. Бухарин на I съезде советских писателей делал доклад «О поэзии, поэтике, и о задачах поэтического творчества в СССР», а не о литературе. Иногда это ошибки в духе маркиза де Кюстина: Магадан, по мнению автора, находится в Сибири.

Жаль, что книга Клода Кастлера издана лишь в 2000 г. В отличие от большинства книг западных русистов начала 1970-х гг. она содержала не характерное для времени своего создания, но справедливое утверждение, что А. Воронский (как и близкие ему прозаики «Перевала» И. Катаев и Н. Зарудин) в конце своей жизни обратился к христианским ценностям. Это утверждение, увы, не раскрыто и не обосновано автором. Но эта идея требует дальнейшего развития. Именно с этой точки зрения и нам необходимо взглянуть в первую очередь на литературное творчество А.К. Воронского.

А.Ю. Овчаренко

Кафедра русского языка

Юридический факультет

Российский университет дружбы народов